

Удалось ли, видимо, все же женившемуся на Лизе Алеше, полюбившему ее первой и большой любовью и всей силой этой любви стремившему помочь больному не только телом, но и духом «ребенку» (жалость к страдающим детям — один из лейтмотивов романа), изгнать из нее «бесенка» — «спасти ее», мы не знаем: судя по словам Достоевской о пережитой им в связи с этим драмой, едва ли удалось⁶.

Несомненно одно: и из авторского предисловия, и из «благословения» Алешы Зосимой на «великое послушание в миру» («Много тебе еще странствовать... Все должен перенести... А дела много будет...»), как и из сообщения Достоевской, видно, что одной личной драмой действительность окончательно созревшего Алеша отнюдь не ограничивалась. Но как раз об этом-то она тоже не упоминает ни словом.

Вероятно, это так и осталось бы неразрешимой загадкой, если бы в опубликованном уже после Октябрьской революции «Дневнике А. С. Суворина» не оказалось «Отрывка из воспоминаний» автора об одной из встреч и в высшей степени интересной во время беседы его с Достоевским. Суворин рассказывает, что, придя к писателю, он был удивлен его видом: «Лицо его походило на лицо человека, только что вышедшего из бани, с полка, где он парился. Оно как будто носило на себе печать пота». Достоевский пояснил, что у него только что был припадок эпилепсии. Встреча произошла, по словам Суворина, в день покушения Млодецкого на только что получившего от Александра II особые полномочия графа Лорис-Меликова, значит, 20 февраля 1880 г., в период напряженной и близящейся уже к концу работы Достоевского над «Братьями Карамазовыми» (было написано уже три части — девять «книг» из 12, и автор работал над первыми главами 10-й «книги», «Мальчишки»). О покушении Млодецкого собеседники еще не знали. Но наэлектризованность внутрисемейной атмосферы в стране достигла кульминации. За 12 дней до этого произошел организованный Халтуриним взрыв «адской машины» в помещении Зимнего дворца. И «разговор, — вспоминает Суворин, — скоро перешел на политические преступления вообще и на взрыв в Зимнем дворце в особенности. Обсуждая это событие, Достоевский остановился на странном отношении общества к преступлениям этим. Общество как будто сочувствовало им или, ближе к истине, не знало хорошенько, как к ним относиться». И тут же Достоевский задал своему собеседнику вопрос, над которым мучительно думал до прихода его: сообщил ли бы тот властям, если бы узнал о готовящемся взрыве и тем смог бы предупредить «преступление»? И на его отрицательный ответ сказал, что и он бы этого не сделал, сам же «ужасаясь» такому своему решению и «ничтожности» причин, которые побудили бы его именно так поступить: «Разве это нормально? У нас все ненормально, оттого

⁶ Несколько подробнее рассказывается об этом немецким биографом Достоевского Н. Гофман, которая приезжала для собирания материалов в Петербург, где встречалась со вдовой писателя. Ссылаясь на свидетельство ее и друзей Достоевского (имен их не названо, но в числе их, несомненно, имелся в виду В. С. Соловьев) о намерении «продолжить» «Братьев Карамазовых», она так конструирует «план» дальнейшего жизненного пути Алеша: «Он женится на Лизе, потом покидает ее по воле прекрасной грешницы Грушеньки, которая пробуждает в нем его долю карамазовщины. После бурного периода заблуждений и отрицаний, оставшихся бездетным, он снова возвращается в монастырь: он окружает себя множеством детей, которых до самой своей смерти любит, учит, руководит ими». (Th. M. Dostojewsky. Eine biographische Studie von N. Hoffman, Berlin, 1899, S. 425—427). Однако к этой конструкции, которая, видимо, является пересказом слышанного, но в еще большей мере плодом собственных размышлений автора, следует подойти с сугубой осторожностью. Это особенно относится к намеченной ею новой любовной линии: «Алеша — Грушенька», которая, в отличие от любовной линии «Алеша — Лиза», якобы должествующей сменить ее во втором романе линии «Алеша — Грушенька» не имеет сколько-нибудь подтверждающей опоры в первом романе, и даже вступает в противоречие с ним. Ведь после катастрофы с Митей, очищенная любовью к нему, твердо решившая разделить его судьбу, Грушенька перестала быть «грешницей», да и вообще, по Достоевскому, не была ею.